

Анна Поршнева

Как стать хорошим государем

На примере случаев из жизни Кошея

16+

Анна Поршнева

Как стать хорошим государем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64194061

SelfPub; 2021

Аннотация

Сорок коротких сказок о властелине тридесятого – Кошее, призванных научить взрослого и маленького читателя, как управлять государством, фирмой или классом среднешкольников. Оказывается, Кошей такой худой, потому что является приверженцем ЗОЖ. Такой скупой, потому что на управление государством требуются немалые средства. А такой старый – ну, просто потому, что живет уже долго. Кошей не ограничивается тридесятом, а свободно посещает самые разнообразные города России, и не только России. Кошей любит красивых дам, равнодушен к коту Баюну, охраняющему границы Лукоморья, а если изредка и колдует – то совсем немного и несильно. Однако, когда понадобится, он способен дать отпор и людоеду, и бабе-яге, и даже практикующему врачу-профессору. В общем, как положено всякому истинному государю, он осторожен, дипломатичен и скрытен.

Содержание

Случай первый. Страшная тайна Кощея	4
Случай второй. Подагра	6
Случай третий. Грустное утро Кощея	9
Случай четвертый. Не то яйцо	12
Случай пятый. Наливное яблочко	14
Случай шестой. Глаз да глаз	17
Случай седьмой. Патриот	22
Случай восьмой. Для чего и почему	25
Случай девятый. Из жизни котов и Кощеев	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анна Поршнева

Как стать хорошим государем

Случай первый.

Страшная тайна Кощея

У Кощея была страшная тайна, которую он хранил пуще жизни, каковая, как известно, обретается на конце иглы, а игла та – в яйце, а яйцо – в утке, а утка – в зайце, и проч. и проч.

Дело в том, что Кощей не всегда был стар, богат и лыс. Когда-то он был молодым златокудрым романтиком без гроша за душой и ездил с песнями по городам и весям, сражая драконов и освобождая прекрасных принцесс. В общем, прямо говоря, был он тем самым принцем на белом коне.

И, как подобает всякому сказочному принцу, мечтал встретить свою любовь. Но первая принцесса, которую он

вызволил из плена, была старовата. Вторая, пока томилась в пещере дракона, завела шашни с каким-то мимо проходившим троллем. Третья оказалась лопухой. Четвертая шепелявила. Пятая была прехорошенькая милая девушка, и он едва не обрел свое счастье, но, узнав, что она у него не первая, прелестница разрыдалась и отвергла принца. Шестая за время заточения прониклась верой в Бога и немедленно после освобождения ушла в монастырь. Что-то не то оказалось и с седьмой принцессой, и с восьмой, и с девятой... Потом принц сбился со счета. Зубастые огнедышащие пасти драконов неприметно слились в его голове со смазливymi личиками девиц, и вскоре он уже не отличал чудовищ от красавиц.

В общем, он повзрослел и помудрел. Перестал заниматься всякой ерундой, завалил еще с десятков драконов побогаче, выкупил тридцатое королевство со всеми потрохами и выстроил себе дворец. Теперь Кощей – глубокоуважаемый правитель, с которым считается даже Суд по правам человека. Неудивительно, что он предпочитает скрывать, что когда-то был принцем на белом коне.

Случай второй. Подагра

– Да у вас, батенька, подагра, – ласково улыбаясь, сказал добрый доктор.

Кощей нахмурился, почесал лысину и спросил неуверенно:

– С чего бы?

– А мяско, небось, любите? Суп харчо, шашлычок, бифштекс с кровью?

Мяса Кощей последние триста лет не ел вообще. Предпочитал белую речную рыбу типа леща и, в противовес тому, стерлядь с осетриной. Любимой же едой нестарого еще (по его собственному разумению) мага была хорошо распаренная в печи каша с луком и грибами. поэтому на вопрос доктора он только неопределенно пожал плечами.

– Вином, опять же, злоупотребляете... – продолжал свои, ни на чем не основанные, инсинуации лекарь.

Вино Кощей употреблял редко, в основном, на свадьбах воспитанниц. Пил по утрам крепчайший кофе (две чашки,

на каждую чашку – одну ложечку нерафинированного сахара), днем – слабенький зеленый чай, вечером – брусничную или малиновую водицу.

Пришлось опять пожать плечами.

– Ну, вот, батенька, вот вам и королевская болезнь. – радостно заключил доктор.

То, что болезнь была королевская, несколько обрадовало бессмертного старика, но боль в запястьях и ступнях свела на нет эту маленькую радость.

"Что ж случилось?" – ворчал про себя Кощей, пробираясь тайной волшебной тропой к тому месту, где был припрятан сундук, а в сундуке заяц... ну, да вы знаете. Магическим образом явив на божий свет иголку, Кощей крикнул. Все сразу стало ясно. Каким-то образом в схрон попала вода и иголка малость проржавела. Несколько колдовских пассов, пара заклинаний, добавляющих легирующие добавки, дополнительное осушение всего вокруг и заливка щелей в магической реальности магической же затиркой, и – вуаля! – нет подагры, как и не было.

"Да, слаба у нас еще медицина, – думал Кощей, похрустывая тертой морковкой с изюмом и прислушиваясь к внутрен-

ним ощущениям организма. – Много не изучено. Нет индивидуального подхода к больному".

Случай третий.

Грустное утро Кощея

С утра на завтрак у Кощея была овсянка, сваренная на воде, без соли и сахара. Сам Кощей предпочел бы яичницу с беконом, но – как говорил его доктор – если ты бессмертный, ты тем более должен следить за уровнем холестерина в крови и не злоупотреблять жареным. Никому не хочется завести вечные бляшки в сосудах и вечную изжогу.

Также Кощею не полагалось и кофе. Полагался Кощею жидкий ромашковый чай и горсть витаминов. Понятное дело, что после такого завтрака настроение у великого колдуна было не ахти. Он подошел к окну, взглянул на ноябрьскую русскую равнину за окном. Нет ничего грустнее ноября на русской равнине! Подумав эту нехитрую мысль, Кощей прошел в кабинет и принялся разбирать почту. Отложив в сторону письма от восьми или десяти Василис, удачно выданных замуж и теперь регулярно извещавших опекуна о своих многочисленных семействах (письма эти Кощей привык читать после обеда), бессмертный старик рассортировал остальную корреспонденцию, носившую в основном юридический характер, по номерам дел в своей личной картотеке. Но одно письмо, к которому был прикреплен сероватый по-

трепаный конверт, привлекло его внимание.

В письме некий Бабай обвинял его, Кощея, в узурпации образа злодея в русском фольклоре. Почему-то некого Бабая это очень раздражало. В нелестных выражениях он описывал личные свойства Кощея и риторически вопрошал: "Разве может столь одиозная личность претендовать на звание темного повелителя?" На этом месте Кощей пожал плечами – ни на какое звание он не претендовал, лицом был скорее бледен и вообще ничего темного за собой не замечал. Напротив, он считал себя крайне добропорядочным и справедливым правителем.

Далее Бабай принимался расписывать собственные достоинства, главным из которых он считал свою выдающуюся роль в воспитании подрастающего поколения. "Миллионы детей, – писал он, – выросли в священном ужасе перед таинственным обитателем чердаков, и только это удержало их от неразумных поступков, всяческого баловства и шалостей!" – Кощей хмыкнул.

Затем в письме зачем-то подробно расписывалась малоизвестная версия происхождения имени чудовища от некоего Бабая-Аги, грозы рязанского и калужского княжеств, и походя задевалась честь бабы-яги, которая якобы облыжным образом присвоила себе славное прозвание, предварительно

исказив его из вредности.

"Надо Яге рассказать, – подумал мельком Кощей, – пусть старуха потешится". Заканчивалось письмо безоговорочным требованием уступить автору, то есть Бабаю, звание главного злодея древности и современности.

Кощей еще раз перечитал письмо, заноса основные тезисы в записную книжку, потом открыл карточку "Дела об оскорблении чести и достоинства", присвоил номер, и в задумчивости подошел к окну. Равнина, простиравшаяся снаружи, ничуть не изменилась. Она наполняла сердце глубокой хандрой. Делать ничего не хотелось, хотелось пить горькую. Кощей потянулся было к звонку, вызывавшему слуг, но вспомнил строгое лицо доктора и отдернул руку.

– Ну, ничего нельзя, за что ни возьмись! – Мелькнувшая было мысль забыть про вздорного Бабая, просто послав его к черту, пропала. Справедливость должна восторжествовать! – подумал Кощей и принялся споро строчить исковое заявление в суд.

Случай четвертый. Не то яйцо

"Есть прелести в зиме, есть!" – энергично убеждал себя Кощей, шагая по подтаявшему снегу на окраине Санкт-Петербурга. Был январь, было ветрено, была оттепель.

Мягкий запах притаившейся где-то там весны будоражил ноздри. Хотелось дышать глубоко и свободно. Собственно, так Кощей и дышал всю свою многовековую жизнь.

В Питер он попал почти случайно – кот Баюн, по своему обыкновению рассказывать сказки, напел ему как-то вечером, что в этом славном городе в музее хранится одно из потерянных яиц Кощея – из тех самых драгоценных фальшивок, которыми когда-то по молодости лет и общему легкомыслию (как теперь понимал бессмертный старик) он наводнил мир. Ну, вот забавно ему было смотреть, как добры молодцы всех родов и сословий залихватски рубили ониксовые, серебряные, покрытые драгоценной эмалью, выточенные из слоновьего дерева эллипсы, дабы добыть смерть Кощеву, и при этом разносили драгоценности, представлявшие немалую художественную ценность и просто ценность материальную, вдребезги. Но время шло, прежде многочисленные фальшивки стали редки, разнообразные обитатели волшебного мира стремились заполучить их в свои коллекции, и Кощей пришел к выводу, что не годится упускать такие

сокровища, тем более, что он сам был их источником и, так сказать, первоначальным заказчиком.

Так что сейчас, пробираясь по заснеженному Петербургу к метро, он размечтался, что добудет очередную диковину. А мечтать-то и было нельзя! Никогда ничего путного из мечтаний всякого рода не получится – уж ему-то, умудренному тысячелетним опытом, следовало об этом помнить!

В музее хранились яйца Фаберже – новодельные беспомощные подделки под подлинное искусство. Кощей сплюнул бы прямо на паркетный пол, да был хорошо воспитан. "Коту надо уши надрать. И надеру!" – подумал он мстительно и вышел на Фонтанку. Было ветрено, был январь, была оттепель. Мягкий запах сховавшейся где-то неподалеку весны будоражил ноздри. Ничего не хотелось. Вот просто ничегошеньки. И нет в этой зиме никакой прелести, что еще за придумки! Кощей поежился, сунул руки в карманы и решительно вступил в черный провал открывшегося перед ним портала.

Случай пятый. Наливное яблочко

Чтобы долго не рассусоливать, Марья Моревна ненавидела Василису премудрую. Да и Василиса, по правде сказать, Марью Моревну недолюбливала. Да и как тут быть между ними миру, сами посудите! Обе они волшебницы, обе добыты мужьями в сказочных приключениях, да еще так вышло, что мужья у них – братья родные, царевич Михаил и Иван-царевич! Ну, как, как, спрашивается, им в одном дворце ужиться можно! Если б у отца царевичей, царя Еремея, еще своя жена была бы, может, она невесток и укротила да примирила в вечной ненависти к свекровке... Но царь был вдов.

А тут еще, как на беду, подбросил кто-то в светлицу Марьи Моревны яблочко наливное, через все яблочко надпись золотыми буквами "Наипрекраснейшей и наимудрейшей". Возгордилась жена Михаила-царевича, спасу нет! Нос задрала выше самой высокой колокольни, ходит по дворцу павой, хвастает.

Естественно, Василисе этот случай костью в горле встал. Принялась она волховать и выискивать, и нашла-таки серого пса Полкана, который на чистом собачьем языке ей прогавкал, что вовсе это яблоко не объявилось само собой в покаях

Марьи Моревны, а нашел его он сам, пес Полкан. Во дворцовом саду нашел, аккурат посередь половины Ивана-царевича. А уж потом в зубах притащил к Марье Моревне, привлеченный дивными запахами няни, начиненной гречневой кашей и утиными печенками.

Взъярилась Василиса, но виду не показывает и шлет Марье Моревне послание, где всю эту историю пересказывает дипломатическими выражениями и требует вернуть утерянную собственность законной владелице. В конце, правда, не удержалась, и шпильку вставила: "Дескать, о красоте спорить не буду, на всякую красоту охотник найдется, а что в нашем царстве я самая мудрая, про то все знают,"

Марья Моревна послание прочитала, повелела принести пергамент и на том пергаменте собственноручно начертала кукиш. Да и отослала невестке.

Ой, что тут началось! Царевичи света белого невзвидели. Уж на что они дружные братья, но когда такой шум на все государство поднялся, когда последние чернавки между собой разодрались и ходят кто с подбитым глазом, кто с выдранными волосьями, а кто с выбитым зубом, тут и братьям трудно сохранять дружеские отношения! Что делать? Бросились в ноги к отцу: помоги, царь Еремей, мудрым советом. Царь крякнул, ухнул и вынес вердикт:

– Поскольку невестки у нас не простые жонки, а волшебные, надоть звать волшебника во всем разобраться. – И вызвал Кощея.

Кощей явился на третий день, когда Василиса и Марья Моревна принялись было дворец делить-пилить (это при живом-то царе!). Марью Моревну обозвал коровищей. На Василису, свою бывшую воспитанницу, глазом зыркнул. Сенных девок собственноручно отходил по щекам. Царю Еремею счет выставил за услуги. Яблоко отобрал и был таков.

И потихоньку во дворце все наладилось.

А Кощей сразу в тридешатое царство возвращаться не стал. А заглянул он к одной французской даме, за которой давно и безуспешно ухаживал. И там, живописуя в дивных картинах, какие он испытания превзошел и какие препятствия преодолел, чтобы диковину эту добыть, преподнес яблоко в знак своей вечной любви. Дама, хотя и посмеялась над такой беспардонной лестью, все-таки под конец улыбнулась Кощейю благосклонно. Усмехнулся про себя и Кощей, который знал, что наливное это яблочко было поделкой одной хитроумной бабы-яги, которая, уж конечно, считала наипрекраснейшей и наимудрейшей не кого иного, как саму себя.

Случай шестой. Глаз да глаз

Что-то зачастили гости в этот понедельник к Кощею.

На утренний чай совсем без предупреждения заявила баба-яга с маковым кренделем под мышкой. Крендель этот хитрая старуха каждый раз таскала с собой, делая вид, будто позабывает, что Кощею сдобу строго-настрого запретили врачи. Сама тоже от кренделя ни кусочка не отъедала, только отщипывала маковые зернышки и с кокетливой улыбочкой отправляла в рот. А сама меж тем мимоходом подбирала курагу да чернослив, которыми привык угощаться по утрам Кощей.

В этот раз старуха тоже не сидела без дела – подъев весь кагорный изюм из хрустальной мисочки и поболтав о неприятном соседстве с любвеобильным водяным, она вдруг взглянула на хозяина искоса и завела речь о том, что такой жары в мае отродясь не было, и когда она уже кончится, и что ж это такое деется, батюшки, и лук в этом году, небось, будет горький, а горох сухой. Кощей бабу доброжелательно выслушал, пару раз поддакнул и выразил надежду, что в четверг обязательно пойдет дождик, может, даже и с грозой. Баба-яга удовлетворенно хмыкнула и распрощалась.

Вслед за ней, не успел Кощей распечатать утреннюю почту в кабинете, заявила Василиса с отпрысками. Иван-царевич и Василий-царевич немедленно залезли колдуну на колени и стали называть его дедушкой – вот не было печали! Сквозь галдеж молодняка бессмертный старик разобрал, что воспитанница жалуется на немыслимый зной, от которого отекают по утрам щеки и образуются морщинки вокруг рта. Кощей пообещал прислать ей джема из наливных яблочек, так что красота ее зацветет пуще прежнего, и Василиса убралась по добру- поздорову.

Потом пришел водяной. Этому солнце, непрерывно сиявшее над тридесатым вот уже четвертую неделю, тоже не угодило. Повелитель рек и морей опасался, что его владения в конец обмелеют и высохнут. Кощей, как мог, успокоил его, напомнив, что в прошлом году вот тоже вроде собиралась жара, но как-то все само-собой рассосалось, и весь июль царство поливало, как из ведра.

Выпроводив водяного, старый мудрец вздохнул было с облегчением, но тут появился кот Баюн. Хитрый кот замурлыкал было что-то о том, что нет никакого покоя на его нелегкой службе, и вчерась прилег он было отдохнуть, а тут раз – и солнечный удар!

– Ну, уж и солнечный! – недовольно буркнул Кощей.

– Как есть! – кот для убедительности перекрестился левой лапой. – То ись солнечный, не сомневайтесь! Напекло, то ись, мне головушку, потому шерсть у меня чернявая да еще и лоснится. Еле русалки молоком отпоили.

Кощей было подумал, что хитрый кот сейчас примется выпрашивать прибавку к жалованью, упирая на возросшие риски в связи с тяжелыми климатическими условиями. Но кот ничего такого не просил, а продолжал гундосить насчет проклятушей жары, от которой никакого спасу нету. Кощей крикнул, почесал лысину и велел:

– А ну отвечай прямо, какого черта вы все тут у меня повадились на погоду жаловаться?

Кот вытянулся в струнку и отрапортовал по-военному:

– Так ведь, батюшка, всем известно. Три года лета в тридесятом не было. А все отчего?

– Отчего?

– Дык ведь глаз-то у тебя черный! Ты как с утра выйдешь на крылечко, потянешься да скажешь: "Славный денек! Ишь, как солнышко разыгралось!" – и все, пиши пропало. Дождь

на две недели. Вот мы и порешили: пусть ты лучше солнце ругаешь, почем зря. Спокойней будет.

– Ну, допустим, – обиженно хмыкнул Кощей. – Только видишь ли в чем дело. Глаз-то у меня не черный.

– Так какой же, батюшка?

– Серый. -Кот всмотрелся в глаза Кощею и убедился, что они действительно стального цвета.

– Чур меня, – сказал Баюн, перекрестился опять левой лапой и бочком двинулся к двери, бормоча невнятно: "Всю жись были черные, и тут вдруг серые. Пойду-ка я, пожалуй, пока жив".

Выпроводив кота, Кощей вынул из кармана халата зеркальце в серебряной оправе и долго рассматривал глаза – сначала правый, потом левый. Глаза были, как глаза. То серые, то зеленые, то карие, а то – что греха таить – и черные. Все-таки он не просто старик, все-таки он волшебник. Насмотревшись в зеркальце, Кощей перевел взгляд на окно, за которым пышно цвела сирень и только хотел подумать: "Эх, хорошо! Теплынь-то какая!", как тут же осекся. "Ну уж, нет. – нарочито громко сказал он, отводя взгляд от весенний благодати. – И ничего приятного в этой весне нету. А от ле-

та вообще одни неприятности. Вот если б дождь, да подольше..." – и потом уже занялся нелегкими государственными делами.

Случай седьмой. Патриот

Когда-то Кощей любил путешествовать. Любил с обнаженной шпагой укутанный плащом скользить по опасным улицам Парижа или Севильи. Любил поиграть в шахматы с индийским раджей. Любил сочинить хокку на падение лепестка вишни. Но с возрастом (только не говорите про возраст с Кощеем. Сам он себя не то что старым, а и пожилым не считает) приобрел удивительную привязанность к родным местам. И что самое поразительное, родиной он считал не вотчину свою, тридесятое царство, а Россию.

Иногда, впрочем, выбирался за границу.

Вот сегодня, например, материализовался он на набережной одного итальянского городка. Идет, по-хозяйски оглядывает окрестности и хаёт все местное помаленьку. А надо сказать погода с утра затеялась не очень. Мелкий какой-то дождик накрапывает, тучки набегивают, гром погромыживает. Идет Кощей и думает

– Славная погодка! Почти, как в Питере. Хотя не то. Нет, совсем не то. Парит тут как-то, дышать тяжело. А в Питере-то то ли дело! В Питере свежесть такая, жасмин расцветает, благорастворение, одним словом!

Спустился с набережной, ковырнул носком ботинка песок...

– Ну, что, – говорит – песок, как песок. Полно и на балтийском побережье такого песка. А на Соловках так даже и лучше. А хорошо сейчас на Соловках! Мошка кругом вьется... а тут ни одного комара, тьфу ты, пропасть – и рожу такую скорчил, будто самая прелесть жизни заключается в наличии комаров.

Вернулся на набережную, оглядывается недовольно

– Ну, набережная и набережная. Плохонькая, надо сказать. То ли дело в Питере! А и в Перми, ей богу, не хуже. А уж в Петрозаводске.. эх...

Свернул на главную улицу, полную магазинов. Смерил взглядом сосновую аллею.

– Ох, кривенькие какие! Не то, что наш кедровник. Там от одного духу любой артрит вылечивается.

Но тут взгляд Кощея остановился на витрине, за которой блистали чудесные, умопомрачительные, божественные штиблеты.

– Да, – сказал он. – Вот обувь они умеют делать. В этой-то обуви да по нашим просторам! – просиял улыбкой и решительно вошел в магазин.

Случай восьмой. Для чего и почему

Кощей был знатоком этикета. Он прекрасно умел разделять лобстера, извлекать нежное улиточье тело из панциря и вкушать перепелов, обмакивая длинные холеные пальцы в миску с лимонной водой. Но в последнее время все эти умения ему не пригождались.

Став сторонником ЗОЖ, он перешел на пресные каши на воде, тертые овощи, безвкусные паровые котлеты и разнообразные смузи. Как понимаете, для всего этого вовсе не нужны те шестнадцать предметов столовой сервировки, которые хранились в сокровищнице великого мага.

Ну да, в сокровищнице – а где еще должны храниться ложки, вилки, щипцы, странные иглы и тому подобная утварь, рукоятки которой сделаны из чистого золота и украшены редким розовым и черным жемчугом?

Вот, собственно, в жемчуге все и дело. Проверяя в очередной раз тяжелый ящик со столовыми приборами, казначей Кощей охнул от ужаса: прекрасный нежный роскошный жемчуг подернулся тусклым налетом и словно бы даже зашелушился.

– Вот я болван! – хлопнул себя по лбу казначей. – Совсем

забыл, что жемчугу нужно прикосновение живых рук! А я только проверял на месте ли приборы да пересчитывал их. И так тридцать лет. Конечно, перламутр состарился!

Очень не хотелось докладывать обо всем бессмертному царю, но пришлось. Кощей посуровел лицом, хмыкнул и смолчал. Казначей стал бледнее мела и рухнул на колени:

– Помилуйте, Ваше величество! Не велите казнить!

Кощей досадливо махнул рукой.

– Да я не на тебя сержусь вовсе. Вставай, вставай! Я себя, негодника ленивого, ругаю. Надоело мне, вишь, над золотом чахнуть. Совсем я забыл, откуда этот обычай у меня появился. А как над ним не чахнуть, как не перебирать его пальцами, если не только жемчуг драгоценный, но и простые медные монеты любят, когда их ласкают пальцами, когда на них не надышатся, когда их уважают! А я уж полвека в кладовые не спускался. Непорядок!

И Кощей немедленно издал указ, предписывающий правителю тридцатого царства (то бишь самому Кошее) еженедельно по вторникам и пятницам с двух до четырех дня чахнуть над золотом.

Случай девятый. Из жизни котов и Кощеев

– Чот я устал, – подумал как-то посреди рабочего дня кот Баюн. Спрыгнул с цепи, перестал сказывать сказки и петь песни, цепь смотал с дуба и загнал мимопролетавшей бабе-яге, как модный аксессуар работы известного дизайнера А. С. Пушкина.

Затем сел, вытянул заднюю лапу вперед и принялся вылизывать.... хм... то, что вылизывают все полноценные коты во время честно заслуженного отдыха.

– Фи! – воскликнула русалка, сидевшая на ветвях, – какой ты некомильфотный!

– Mr-чмур-шмар, – не переставая вылизываться, ответил кот, что должно было означать: "Сама дура необразованная, а туда же, делает вид, что разбирается!"

Русалка фыркнула, обдала кота вихрем сухой чешуи и, двигаясь ловко, словно змея, скрылась высоко в ветвях дуба.

Кот между тем завершил вылизывание и только собрался вернуться к исполнению своих обязанностей, как обнаружил, что цепи-то нет. Вместо цепи имелся кошелек, туго набитый серебряными рублевиками. Тут только кот сообразил, как продешевил. В цепи было пуда два живого веса, и весь этот живой вес составляло чистое золота. А серебряных рублевиков едва набиралось три четверти фунта.

Кот обиженно оглянулся, собираясь начать жалостливую песню, как вдруг, увидев что-то вдали, истошно мявкнул и подлетел на два аршина вверх.

Несколько минут спустя приблизившийся к дубу Кошей, которому вздумалось развеяться и прогуляться, наблюдал потрясающую воображение картину: кот Баюн ходил плавным шагом, высоко вздев хвост, прямо по воздуху примерно на уровне плечей бессмертного старика. При этом весьма приятным голосом он тщательно выводил: "Ой, цветет калина в поле у ручья". Взгляд кота был чист и светел и выражал невинное удовольствие честного служаки, с рвением выполняющего свой долг.

– И долго ты так сможешь? – осведомился Кошей, созерцающая гуляющего по воздуху кота Баюна.

– Сколько вашему владению угодно будет! – лихо отрапортовал тот

и попытался горделиво поднять шерсть дыбом на загривке. Равновесие нарушилось, кот полетел с дуба вниз головой, нарушая все законы кошачьей реальности. Кошелек, спрятанный в густой шерсти, при этом выпал, и серебряные рублики раскатились по траве.

– Ну, все понятно, – сказал царь тридесятого. – Непонятно только одно – ты ж, вроде, не пьешь?

– Только валерианку исключительно по случаю тезоименитства вашества, – пробормотал скороговоркой кот, собирая рублики всеми четырьмя лапами.

– Так зачем цепь продал? – спросил все тем же мягким голосом Кощей. У любого другого при звуках этого почти нежного тихого голоса кишки бы скрутились в клубок. Но не таков был кот Баюн.

– По дурости, вашество! – лихо по-военному ответил он и для убедительности приложил правую переднюю лапу ко лбу.

– Так ясно, что не от большого ума. И что мне теперь делать? небось, по всем царствам и королевствам уже гуляет молва, что Кощей распродает ценности за копейки. Какой-нибудь шелкопер уже наваял статейку «Крах очеред-

ной пирамиды»,.. – бессмертный старик вздохнул. – Рубле-
вики-то, вижу, яговнины?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.